

6. Lotman, Ju. M. (1970) *Struktura hudozhestvennogo teksta [The structure of a literary text]*. Moskow : Iskusstvo, 384 (In Russ).
7. Lihachev, D. S. (1987) *Pojetika drevnerusskoj literatury. Izbr. raboty : v 3 t. T. 1 : Razvitie russkoj literatury X–XVII vekov. Pojetika drevnerusskoj literatury [Poetics of Old Russian literature. Selected works : in 3 vols. Vol. 1: The development of Russian literature of the X–XVII centuries. Poetics of ancient Russian literature]*. – L., 260–654 (In Russ).
8. Matveeva, T. V. (1990) *Funktional'nye stili v aspekte tekstovyh kategorij : sinhron.-sopostav. ocherk [Functional styles in the aspect of text categories: synchron.- I'm sorry. essay]*. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 168 (In Russ).
9. Myshkina, N. L. (1998) *Vnutrennjaja zhizn' teksta: mehanizmy, formy, harakteristiki [The inner life of the text: mechanisms, forms, characteristics]*. Perm': Izd-vo Perm. un-ta, 152 (In Russ).
10. Turaeva, Z. Ja. (2016) *Kategorija vremeni: vremja grammaticheskoe i vremja hudozhestvennoe (na materiale anglijskogo jazyka): ucheb. posobie [Time category: grammatical time and artistic time (based on the material of the English language): study. stipend]*. – Moskow : Librokom, 216 (In Russ).
11. Chernjahovskaja, L. A. (1983) *Smyslovaja struktura teksta i ee edinicy. Vopr. jazykoznanija. [Semantic structure of the text and its units. Vopr. linguistics.]*. – № 6, 117–126 (In Russ).

УДК 821.161.1.09-21 Булгаков

О СВОЕОБРАЗИИ ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ДИАЛОГА В ПЬЕСЕ М. А. БУЛГАКОВА «ДНИ ТУРБИНЫХ»

И.П. Зайцева,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой мировых языков
Витебского государственного университета имени П. М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь
E-mail: irinazaj91@mail.ru

Феномен диалогической речи, осмысливаемый во множестве исследований достаточно длительное время, на новейшем этапе лингвистического знания, оказался в центре внимания многих сформировавшихся на рубеже XX и XXI вв. дисциплин (лингвистическая прагматика, психопоэтика, коммуникативная стилистика текста и т. п.). Это значительно расширило диапазон аспектов изучения диалога и позволило получить целый ряд исследовательски значимых результатов – как для собственного лингвистики, так и для различных междисциплинарных областей. Одним из таких результатов видится более глубокое и всестороннее осмысление диалога в художественной (в частности – в драматургической речи), что в данной публикации проиллюстрировано анализом диалогического фрагмента пьесы М. А. Булгаков «Дни Турбиных».

Ключевые слова: диалогическая речь, драматургический диалог, коммуникативная ситуация, коммуниканты, интенция, коммуникативная стилистика художественного текста, персонаж пьесы.

ABOUT THE SINGULARITY OF THE DRAMATURGICAL DIALOGUE IN THE PLAY BY M. A. BULGAKOV “TURBIN’S DAYS”

I.P. Zaitseva,

Doctor of Philology, Professor, Head of World Languages Department
of “Vitebsk State University named after P. M. Masherov”.
Vitebsk, Republic of Belarus
E-mail: irinazaj91@mail.ru

The phenomenon of dialogical speech, which has been comprehended in many studies for a rather long time, at the newest stage of linguistic knowledge, was in the focus of attention that emerged at the turn of the 20th and 21st centuries. disciplines (linguistic pragmatics, psychopoetics, communicative stylistics of the text, etc.). This significantly expanded the range of aspects of the study of dialogue and made it possible to obtain a number of research-relevant results – both for one’s own linguistics and for various interdisciplinary fields. One of these results is seen as a deeper and more comprehensive understanding of the dialogue in the artistic (in particular, in the dramatic speech), which in this publication is illustrated by the analysis of the dialogical fragment of the play by M. A. Bulgakov “Turbin’s Days”.

Key words: dialogical speech, dramatic dialogue, communicative situation, communicants, intention, communicative stylistics of a literary text, character of a play.

Развитие на новейшем этапе лингвистического знания дисциплин с преимущественно коммуникативной ориентированностью закономерно стимулировало и более глубокую и /или разноаспектную разработку ряда традиционно изучаемых в языкознании понятий и категорий, которые образуют основной терминологический фонд блока научных филологических направлений (причём в число таких терминов входят как уже давно известные в науке, так и возникшие буквально на наших глазах): *речь, речевая деятельность, диалог, монолог, коммуникативная ситуация, интенция, коммуникант, коммуникативная перспектива, дискурс* и др.

К понятиям, достаточно давно вызывающим интерес лингвистов, вне всякого сомнения, принадлежит понятие «диалог», осмысление которого, как представляется, позволяет проиллюстрировать указанную выше особенность весьма наглядно. Так, к примеру, в более поздних определениях диалога в большей мере стали учитываться составляющие коммуникативной ситуации, что проявилось, во-первых, в расширении набора признаков, которые принимаются во внимание при характеристике данного термина-понятия, во-вторых – в акцентировании в каждом из этих признаков значимости его в коммуникативной процессе. Чтобы убедиться в сказанном, достаточно сравнить, например, определения диалога в разных изданиях энциклопедии «Русский язык», разделённых более чем двумя десятилетиями: вышедшего под редакцией Ф. П. Филина в 1979-м [10] и под редакцией Ю. Н. Караулова в 2003-м [11 – второе издание, переработанное и дополненное; первое датируется 1997-м годом].

1) «Диалог (от греч. Dialogos – разговор, беседа) – форма речи, которая характеризуется сменой высказываний двух или нескольких (полилог) говорящих и непосредственной связью высказываний с ситуацией. Высказывание говорящего в диалоге называют репликой. Реплики в диалоге обращены к собеседнику (собеседникам).

Как правило, в каждой из последующих реплик сокращается всё, что известно из предыдущей или из ситуации. Поэтому некоторые реплики могут быть поняты только в связи с ситуацией: «Что это?» (слышны звуки музыки) – «Это отец». – «Я не знал, что твой отец играет на виолончели» (Тургенев)» [10, с. 74];

2) «Диалог (от греч. diálogo – разговор, беседа) – форма речи, состоящая из регулярного обмена высказываниями-репликами, на языковой состав которых взаимно влияет непосредственное восприятие речевой деятельности говорящих. Коммуникативное намерение, определяющее структуру диалога, содержит противопоставление инициативного и реактивного содержания реплик, связь которых образует, как правило, смысловое целое. Логическая (тематическая) связь (вопрос – ответ, сообщение-разъяснение / добавление / возражение / согласие/оценка; формулы речевого этикета) стимулирует конструктивную (лексико-грамматическую) связь: Ты куда? – На работу. Отсутствие таких связей возможно при реакции говорящего не на речь, а на ситуацию речи: Ты куда? – Отойди от двери, простудишься» (выделено мною. – И. З.) [11, с. 119].

Сравнивая приведённые определения, несложно заметить, что в первом из них явно преобладает **структурно-семантический** подход, господствующий в лингвистике середины XX-го столетия; второе же определение в большей степени акцентирует внимание на коммуникативно-прагматической основе диалогического общения, поскольку опирается на такие категории коммуникативной лингвистики как *деятельность говорящих, коммуникативное намерение, инициативное и реактивное содержание реплик* и под., что отражает процесс замены структурно-семантической парадигмы **КОГНИТИВНО-**

коммуникативной, очевидно утвердившейся в языкознании XXI столетия. Примечательно, что во втором из определений, сформулированном Т. Г. Винокур, и традиционные, ранее также выделяемые и характеризующие лингвистами признаки диалога трактуются как в значительной степени как обусловленные своеобразием коммуникативного контекста, в котором то или иное диалогическое образование возникает и функционирует.

В ещё большей степени учитывается обусловленность диалога компонентами коммуникативной ситуации (*коммуникативный контекст, статус участников коммуникации* (говорящего и слушающего) и их *коммуникативные намерения* и т. п.) в определениях диалога, которые помещены в справочные пособия последнего десятилетия. Так, например, Л. Р. Дускаева, автор дефиниции диалога в словаре-справочнике «Эффективное речевое общение (базовые компетенции)» (2014), определяя диалог как «форму речи, состоящую из регулярного обмена высказываниями – репликами между двумя (и более) говорящими, противопоставленную монологу», особое внимание уделяет такой важной составляющей коммуникативного процесса, как **интенции** коммуникантов. При описании диалога в этом источнике отмечено, каким образом интенция, способная к трансформации, в ходе протекания диалога может существенно трансформировать его содержание: «...**диалогическая интенция отличается гибкостью и изменчивостью. Говорящий** – по собственному усмотрению или под давлением ситуации – **может изменить своё речевое намерение в ходе общения, внести в него серьёзные коррективы, изменить его вплоть до диаметрально противоположного или же вообще отказаться от своего первоначального замысла. В связи с этим в речевом общении выделяются первичная, и вторичная интенции.** Последняя возникает под влиянием ситуации и/или контекста. Так, например, к изначальному намерению сообщить что-то у говорящего может возникнуть по разным коммуникативным причинам дополнительная цель – уговора, призыва к вниманию, выражения удивления и др.» (выделено мною. – И. 3.) [6, с. 127]. Отчётливо означен коммуникативный аспект осмысления диалога и в «Полном словаре лингвистических терминов» Т. В. Матвеевой, изданном в 2010 году, что подтверждает приводимый далее фрагмент из словарной статьи «Диалог» этого источника: «**ДИАЛОГ** – непосредственное речевое общение двух или нескольких лиц...; процесс и **продукт речевой деятельности** коммуникантов, при котором каждое высказывание обращено непосредственно к собеседнику, а собеседники постоянно меняются ролями говорящего и слушающего... **Поскольку диалог процессуален и тесно связан с ситуацией общения, к нему применимо понятие дискурса.** По типу отношений между участниками общения диалоги делятся на кооперативные (говорящие имеют общие цели и/или стремятся к психологическому единству, по М. Ломоносову, это «согласные разговоры») и конфликтные (говорящие не совпадают по своим целям и/или разъединены психологически, «прекословные разговоры», по М. Ломоносову) (выделено мною. – И. 3.) [8, с. 88–89].

Активизация внимания к коммуникативно-деятельностному аспекту изучения лингвистических явлений, прежде всего наблюдаемых в *речевой* сфере, не только так или иначе затронула мере практически все разрабатываемые сегодня направления лингвистики, в том числе и дисциплины, изучающие художественную речь (стилистику художественной речи, лингвистическую поэтику и т. д.), но и стимулировала появление новых филологических областей исследования языка, функционирующего в эстетически осложнённом виде. Так, экстраполяция идей и методов коммуникативной лингвистики на области, где основным объектом изучения является художественная речь, обусловила появление *коммуникативной стилистики художественного текста* – «нового направления современной функциональной стилистики, ...изучающего целый текст (речевое произведение) как форму коммуникации и явление идиостиля» [1, с. 157].

Сегодня уже не вызывает сомнений тот факт, что изучение художественных дискурсов различной жанровой принадлежности, среди прочего и с позиций коммуникативистики (теории и практики речевой коммуникации, лингвистической прагматики и т. п.) является весьма перспективным аспектом, в том числе и для расширения набора конституирующих жанровых признаков произведений, принадлежащих к разным литературным родам. Приоритетного внимания в этом случае заслуживают те явления, которые не относятся к уникальным (т. е. имеющим место лишь в одном из родов художественной литературы), а обнаруживаются как в прозе, так и в лирике и/или драматургии, но наделяются в каждой из групп произведений, наряду со сходными, и специфическими функциями, обусловленными своеобразием художественного отражения действительности.

Так, в частности, художественный диалог – это характерный признак как драматургических, так и прозаических литературных произведений; однако в каждом из словесно-художественных дискурсов – прозаическом либо драматургическом – это качество отличается несомненным своеобразием. При этом диалог в художественной литературе (т. е. диалог, являющийся одной из композиционно-речевых зон драматургических и прозаических художественных текстов) в принципе, безусловно, не может быть отождествлён с диалогом в практическом общении (в частности, в разговорной речи). «Художественный диалог – органическая часть художественного произведения, написанная автором этого произведения. Это часть художественного текста. Текстовый характер художественного диалога проявляется в определенной организации как содержания, так и формы, что резко отличает художественный диалог от разговорной речи» [9, с. 190]. Все элементы художественного диалога, таким образом, оказываются подчинёнными единой текстовой структуре, что принципиально отличает его от нетекстовой речи (к примеру, разговорной). Это, в свою очередь, приводит к большей связности элементов художественного диалога, в результате чего обеспечивается и более явная и многогранно значимая осложнённая сложность каждого слова, каждой фразы, включённой в художественную диалогическую структуру.

В разных художественных дискурсах – в драматургии и прозе – отличия между диалогом – формируются под влиянием комплекса функций, которые «закреплены» за данной формой речи жанрово-родовыми требованиями. Так, если в художественной прозе диалог представляет собой *одну из составных частей текста*, то в драматургических произведениях диалог – *основная, преобладающая часть художественной текстовой структуры*. «В драме решающее значение имеют высказывания персонажей, которые знаменуют их волевые действия и активное самораскрытие...; произнесенные действующими лицами слова составляют в тексте сплошную, непрерывную линию... Соединяя диалогическую разговорность и монологическую риторичность, речь в драме концентрирует апеллятивно-действенные возможности языка и обретает особую художественную энергию» [12, стб. 243–244].

Драматургический диалог, таким образом, с одной стороны, противопоставлен диалогу в обычном общении, в живой речи; с другой стороны, «диалог на сцене отличается от диалога в других жанрах художественного творчества, как он отличается и от диалога в жизни» [2, с. 214], что схематически можно представить следующим образом:

Диалог, происходящий в естественных условиях ↔ **Драматургический диалог** ↔ **Диалог в других жанрах художественной литературы**

Активная разработка феномена диалога с коммуникативных позиций в настоящее время обеспечила дополнительные возможности для изучения этой категории в художественной речи, в частности выдвинув в центр внимания исследователей «проблему эффективности текстовой деятельности автора и адресата с учётом специфики их языковой личности, сферы общения, целей и задач, жанрово-стилевых и других

особенностей текста» [1, с. 159]. Это закономерно расширило диапазон интерпретирования драматургических произведений, которые, по общему мнению (см., например, одну из наиболее авторитетных работ по языку драматургии – работу Т. Г. Винокур [4]), всё ещё остаются наименее изученными среди художественных дискурсов.

Подтвердим всё сказанное анализом диалогического фрагмента из известной пьесы М. А. Булгакова «Дни Турбиных» [3], где эстетически осмыслен один из наиболее комичных эпизодов драматургического действия – внезапное появление в киевской квартире Турбиных Лариона Суржанского, «кузена из Житомира».

«Николка открывает дверь.

Появляется в передней Лариосик с чемоданом и с узлом.

Лариосик. Вот я и приехал. Со звонком у вас я что-то сделал.

Николка. Это вы кнопку вдавили. (*Выбегает за дверь, на лестницу.*)

Лариосик. Ах, Боже мой! Простите, ради Бога! (*Входит в комнату.*) Вот я и приехал. Здравствуйте, глубокоуважаемая Елена Васильевна, я вас сразу узнал по карточкам. Мама просит вам передать её самый горячий привет.

Звонок прекращается. Входит Николка.

А равно также и Алексею Васильевичу.

Алексей. Моё почтение.

Лариосик. Здравствуйте, Николай Васильевич, я так много о вас слышал. (*Всем.*) Вы удивлены, я вижу? Позвольте вам вручить письмо, оно вам всё объяснит. Мама сказала мне, чтобы я, даже не раздеваясь, дал вам прочитать письмо.

Елена. Какой неразборчивый почерк!

Лариосик. Да, ужасно! Позвольте, лучше я сам прочитаю. У мамы такой почерк, что она иногда напишет, а потом сама не понимает, что она такое написала. У меня тоже такой почерк. Это у нас наследственное. (*Читает*) ...

Алексей. Позвольте узнать, с кем я имею честь говорить?

Лариосик. Как – с кем? Вы меня не знаете?

Алексей. К сожалению, не имею удовольствия.

Лариосик. Боже мой! И вы, Елена Васильевна?

Николка. И я тоже не знаю.

Лариосик. Боже мой, это прямо колдовство! Ведь мама послала вам телеграмму, которая должна вам все объяснить. Мама послала вам телеграмму в шестьдесят три слова.

Николка. Шестьдесят три слова!.. Ой-ой-ой!..

Елена. Мы никакой телеграммы не получали.

Лариосик. Не получали? Боже мой! Простите меня, пожалуйста. Я думал, что меня ждут, и прямо, не раздеваясь... Извините... я, кажется, что-то раздавил... Я ужасный неудачник!

Алексей. Да вы, будьте добры, скажите, как ваша фамилия?

Лариосик. Ларион Ларионович Суржанский.

Елена. Да это Лариосик?! Наш кузен из Житомира?» [3].

При явной стилизации приведённого драматургического диалога (по сути являющегося полилогом) под разговорную речь и в целом традиционном структурировании (чередующиеся реплики *связаны* между собой, хотя и разнообразными способами – при помощи семантических, синтаксических и иного рода средств), в нём, безусловно, чувствуется и «рука» автора. М. А. Булгакову удаётся при внешней простоте диалога (спонтанности и под.) таким образом организовать диалогический дискурс, чтобы передать адресату собственное отношение ко всем действующим лицам пьесы, хотя ключевой фигурой в данном случае, конечно, является именно Ларион Суржанский.

Произведённое этим, появившимся внезапно, персонажем впечатление оказывается настолько далёким от того, которое существовало в сознании Турбиных: Алексея, Елены и Николки, – что они довольно долго его не узнают. Однако адресат (читатель / зритель) о личности Лариона довольно полное представление. Это происходит, во-первых, в результате того, что автор-драматург наделяет этого персонажа чрезвычайно яркой речевой характеристикой (свойственные Лариону витиеватые обороты, неоправданный пафос произносимого – в частности, церемонные этикетные обороты и т. п.); во-вторых – в результате подтекстовой связности всех произносимых Ларионом реплик, которая обеспечивается автором при отборе и организации используемого языкового материала.

Именно второй из отмеченных параметров и отличает диалог в драматургическом произведении, созданном талантливым автором, от диалога в практическом общении (речи нехудожественной) – при чрезвычайной их внешней похожести.

Таким образом, при интерпретации диалога в пьесе недостаточно рассмотреть лишь вербальный уровень диалогического образования, а непременно следует выявить и проанализировать сформировавшиеся в данном случае связи (помимо *текстовых* – *внетекстовые* и *подтекстовые*), существенно углубляющие смысловые пласты (зоны автора и зоны персонажей) драматургического дискурса.

Литература

1. Болотнова, Н. С. Коммуникативная стилистика художественного текста / Н. С. Болотнова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта ; Наука, 2003. – С. 157–162.
2. Будагов, Р. А. О сценической речи / Р. А. Будагов // Будагов, Р.А. Писатели о языке и язык писателя / Р. А. Будагов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – С. 205–222.
3. Булгаков, М.А. Дни Турбиных Пьеса в четырёх действиях / М. А. Булгаков // М. А. Булгаков. – Собрание сочинений. – Том 2. – СПб. : Азбука-Классика, 2002. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://2queens.ru/Articles/Biblioteka-Skachat-elektronnye-knigi/Bulgakov-MA-Dni-Turbinyh.aspx?ID=2126>. – Дата доступа : 12.09.2021.
4. Винокур, Т. Г. Диалог / Т. Г. Винокур // Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2003. – С. 119–120.
5. Винокур, Т. Г. О языке современной драматургии / Т. Г. Винокур // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Проза. – М. : Наука, 1977. – С. 130–197.
6. Дускаева, Л. Р. Диалог / Л. Р. Дускаева // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. Чл. редкол.: Г. А. Копнина [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. – С. 127–128.
7. Зайцева, И. П. Перспективы коммуникативной стилистики художественного текста (на материале произведений М/ Булгакова) / И. П. Зайцева // Коммуникативные исследования, 2018. – № 1 (15). – С. 122–134.
8. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д : Феникс, 2010. – 562 с.
9. Полищук, Г. Г. Разговорная речь и художественный диалог / Г. Г. Полищук, О. Б. Сиротинина // Лингвистика и поэтика. – М. : Наука, 1979. – С. 188–199.
10. Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ф. П. Филин. – М. : «Советская энциклопедия», 1979. – 432 с.
11. Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. – М. : Изд-во Большая Российская энциклопедия, 2003. – 704 с.
12. Хализев, В. Е. Драма / В. Е. Хализев // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. – М. : НПК «Интелвак», 2001. – Стб. 243–244.

References

1. Bolotnova N.S. (2003). Kommunikativnaya stilistika khudozhestvennogo teksta. *Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar russkogo yazyka*. [Literary stylistics. *Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian language*. Kozhina, M.N. (Ed.)], Moscow, Flinta Publ., pp. 157–162 (in Russ.).
2. Budagov R.A. (1984) O stsenicheskoy rechi. Budagov R.A. *Pisateli o yazyke i yazyk pisatelya* [About stage speech. Budagov R.A. *Writers about the language and language of the writer*], Moscow, Moscow University Publ. house, pp. 205–222 (in Russ.).

3. Bulgakov M.A. (2002). Dni Turbinykh. Pyesa v chetyrekh deystviyakh. Bulgakov M.A. *Sobraniye sochineniy*. Tom 2. [Days of the Turbins. A play in four acts. Bulgakov M.A. *Collected Works*. Vol. 2], Saint Petersburg, Azbuka-Klassika Publ. Retrieved September 15 2021 from: <http://2queens.ru/Articles/Biblioteka-Skachat-elektronnye-knigi/Bulgakov-MA-Dni-Turbinyh.aspx?ID=2126> (in Russ.).
4. Vinokur T.G. (2003). Dialog. *Russkiy yazyk. Entsiklopediya*. [Dialogue. *Russian language. Encyclopedia*. Karaulov Yu.N. (Ed.)], Moscow, Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya Scientific Publ., pp. 119–120 (in Russ.).
5. Vinokur T.G. (1977). O yazyke sovremennoy dramaturgii. *Yazykovyye protsessy sovremennoy khudozhestvennoy literatury. Proza*. [About the language of modern drama. *Language processes of modern fiction. Prose*], Moscow, Nauka Publ., pp. 130–197 (in Russ.).
6. Duskayeva L.R. (2014). Dialog. *Effektivnoye rechevoye obshcheniye (bazovyye kompetentsii) : slovar-spravochnik*. [Dialogue. *Effective verbal communication (basic competencies): reference dictionary*. Skovorodnikov A.P. (Ed.)], Krasnoyarsk : Sib. Feder. University Publ., pp. 127–128 (in Russ.).
7. Zaitseva I.P. (2018). Perspektivy kommunikativnoy stilistiki khudozhestvennogo teksta (na materiale proizvedeniy Mikhaila Bulgakova). *Kommunikativnyye issledovaniya*. [Prospects for the communicative stylistics of a literary text (based on the works of Mikhail Bulgakov). *Communication Research*], 1 (15), pp. 122–134 (in Russ.).
8. Matveyeva T.V. (2010). *Polnyy slovar lingvisticheskikh terminov*. [Complete Dictionary of Linguistic Terms]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 562 p. (in Russ.).
9. Polishchuk G.G. & Sirotinina O.B. (1979). Razgovornaya rech i khudozhestvennyy dialog. *Lingvistika i poetika*. [Conversational speech and artistic dialogue. *Linguistics and poetics*], Moscow, Nauka Publ., p. 188–199 (in Russ.).
10. *Russkiy yazyk. Entsiklopediya*. (1979). [Russian language. *Encyclopedia*. Filin F.P. (Ed.)], Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 432 p. (in Russ.).
11. *Russkiy yazyk. Entsiklopediya*. (2003). [Russian language. *Encyclopedia*. Karaulov Yu.N. (Ed.)], Moscow, Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya Scientific Publ., 704 p. (in Russ.).
12. Khalizev V.E. (2001). Drama. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy*. [Drama. *Literary encyclopedia of terms and concepts*. Nikol'yukin A.N. (Ch. ed. and compiled)], Moscow, NPK Intelvac Publ., columns 243–244 (in Russ.).

УДК 81'37:811.161.1

К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОКСЮМОРОНА

Л.П. Колоколова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы,
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета,
г. Стерлитамак, Россия
E-mail: kollidia@rambler.ru

В статье анализируются основные тенденции динамики научного интереса к оксюмору. С применением методов анализа и обобщения систематизации и типологизации на материале работ представителей современной русистики выявлен и описан ряд этапов в изучении оксюморана, статус которого рассматривается как аналитическая единица, а его стилистические свойства – как вторичные при сохранении преемственности взглядов. Делается вывод о том, что перспективы в изучении оксюморана сосредоточены в его дальнейшем взаимодействии с лингвистикой текста / дискурса, когнитивной лингвистикой, психолингвистикой, лингвокультурологией и другими актуальными ответвлениями современного языкознания.

Ключевые слова: оксюморон, денотат, текст, составные наименования, аналитизм.

TO THE PROBLEM OF OXYMORON STUDY

L.P. Kolokolova,

Cand. Phil. D., associate Professor of the Department of Russian Language and Literature,
Sterlitamak Branch of Bashkir state university,
Sterlitamak, Russia
E-mail: kollidia@rambler.ru